

Избранные песни

Серия «Licentia Poetica»

Избранные песни

«Carte Blanche»

Москва

1996

ISBN 5-900504-14-X
OL6(03)

**ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО И
ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
ФРАНЦИИ И ПОСОЛЬСТВА ФРАНЦИИ В
РОССИИ.**

Первое на русском языке отдельное издание переводов песен Жоржа Брассанса (1921–1981) – великого французского поэта и шансонье, подготовленное к 75-летию со дня его рождения.

© М. Фрейдкин. Составление. Вступительная статья. Комментарии. 1996.

© А. Аванесов, Р. Бобров, В. Зайцев, С. Костюхин, А. Прокопьев, А. Рубинин, М. Фрейдкин (под общей редакцией М. Фрейдкина). Перевод. 1996.

© Ю. Ярин. Обложка. 1996.

Составитель выражает глубокую признательность Р. Боброву, А. Рубинину, Б. Рысеву, Г. Тинякову, великодушно предоставившим свои переводы, фрагменты которых были использованы в окончательной редакции, а также Ю. Здоровову, оказавшему неоценимую моральную поддержку и помощь в работе над комментариями.

ОТ РЕДАКТОРА

Не хотелось бы начинать с трюизма, но по-другому не выходит. Итак: поэтический перевод – работа крайне неблагодарная. Результат ее в удручающем большинстве случаев совершенно не соответствует затраченным усилиям. И, как правило, сильнее всего от этого терзается сам переводчик, поскольку он, в отличие от преобладающей части своих читателей, имел удовольствие познакомиться с оригиналом и слишком хорошо знает, в какой ничтожной степени сумел передать все его достоинства и совершенства. Поэтому добросовестный переводчик постоянно ощущает себя каким-то, мягко говоря, фальсификатором, который под видом гениальных творений Шекспира, Гете, Бодлера и проч., подсунил доверчивому читателю свои собственные убогие вирши, зачастую имеющие к шедеврам упомянутых авторов весьма отдаленное отношение. Ибо (еще один трюизм) ни для кого не секрет, что поэтическое произведение является таковым только в стихии своего родного языка и потому на другой язык непереводимо в принципе.

Впрочем, здесь уже начинаются нюансы. Многоопытные российские переводчики-профессионалы отлично знают, что в зависимости от специфики авторской манеры, особенностей дарования, принадлежности к тому или иному литературному направлению зарубежные поэты делятся на менее непереводимых, более непереводимых и совершенно непереводимых, и этих последних стараются по возможности избегать.

А теперь, в свете вышесказанного, представьте себе, что могло подвигнуть переводчика (или в нашем случае: коллектив переводчиков) взяться за перевод Жоржа Брассанса – поэта заведомо и абсолютно непереводаемого, – практически каждое произведение которого – своего рода версификационный *tour de force*. Ответ на этот отчасти риторический вопрос один: страстная многолетняя любовь к этому поэту и в чем-то маниакальное стремление воспроизвести на языке родных осин хотя бы малую часть того поэтического блеска и великолепия, которым пронизано творчество Брассанса от первой до последней строчки.

Но чем же стихи Брассанса так трудны для перевода? О, на эту столь актуальную для меня тему я мог бы говорить долго и вдохновенно, но понимая, что данный предмет не слишком интересен неспециалистам, ограничусь лишь кратким перечислением основных неразрешимых проблем.

Во-первых, эти стихи – одновременно (и в первую очередь) еще и песни и их перевод должен быть эквиритмичным, то есть ложиться на музыку, что влечет за собой немало дополнительных технических трудностей. К примеру, классические французские александрины и восьмисложники, которыми предпочитал пользоваться Брассанс, часто приходится переводить не традиционными и естественными в этих случаях ямбами, а различными трехсложными размерами. Но это еще полбеды. Хуже, когда мелодия вообще не укладывается ни в какой привычный размер русской просодии или вынуждает переводчика использовать весьма рискованные и, скажем так, необщепринятые комбинации

этих размеров, и тогда на тех, у кого мелодия песни не на слуху, (а именно они, к нашему глубокому сожалению, составят подавляющее большинство читателей этой книги), голый текст перевода может произвести по меньшей мере странное впечатление. Как, скажем, в «Песне для овернца»:

Пусть этой песне грош цена,
Она тебе посвящена,
Тебе, овернец, что в пургу
Бродягу пустил к очагу.

Если не знать мотива этой песни, то выглядит совершенно непонятым и немотивированным (такие каламбуры у Брассанса встречаются часто, но об этом позже), почему в последней строке ямбического четверостишия ни с того ни с сего появляется амфибрахий – ведь, казалось бы, достаточно переставить слова («пустил бродягу к очагу») и размер встает на место. Вдобавок, во французском оригинале здесь никакой смены размера нет, поскольку французская поэзия, как известно, вообще не признает силлаботоники и ей, что ямб, что амфибрахий – все едино. Вот и делай тут что хочешь...

Во-вторых, как я уже говорил, тексты Брассанса версификационно изошрены до последней крайности. Легкость, виртуозность и удручающая регулярность, с которыми он использует моноримы, все виды анжабеманов, каламбурные, составные и игровые рифмы, метаграммы, метаболы, аллитерации, парафразы, скрытые цитаты и проч., порой повергает переводчика в отчаянье. А пресловутая *jeu de mots* (игра словами) у Брассанса вообще возведена в

творческий принцип, о чем он сам неоднократно заявлял. Воспроизвести в переводе даже малую часть всего этого инструментария немислимо трудно, а чаще всего и невозможно. Так что практически на каждую третью строчку впору давать сноску с классическим переводческим признанием в беспомощности: «в тексте оригинала неперевоаемая игра слов». Причем все эти изыски и бурлески надо сохранить в невероятно жестких рамках строгой песенной композиции, накрепко стянутой железными обручами рефренов и параллелизмов и не позволяющей сделать буквально ни шага в сторону. И уж, разумеется, здесь нельзя допустить ни малейшей неуклюжести, натянутости или ходульности – иначе, как говорится, «вся серверовка – к свиным собачьим».

В-третьих, слог и стиль Брассанса при их всей внешней простоте и непритязательности представляют собой явление вполне уникальное. С одной стороны, он подчеркнуто пользуется несколько архаичным, традиционно «поэтическим» словарем и весьма ограниченным набором часто повторяющихся классических метафор. С другой стороны, его тексты чрезвычайно густо насыщены всевозможными (и зачастую не совсем цензурными) просторечиями, фразеологизмами, идиомами и проч. Верно передать колорит и дух этой невероятной эклектики – задача тоже не из легких. Не говоря уже о том, что переводить идиомы и поговорки и без того занятие не слишком благодарное. А Брассанс, помимо всего прочего, еще и любит с ними поиграть, постоянно их переиначивая и перекраивая, так что получается что-то вроде наших «не плюй в колодец:

вылетит – не поймает» или «чем дальше в лес, тем своя рубашка ближе к телу».

Но и это еще не все. Тексты Брассанса насквозь литературны. И дело здесь не только в частых упоминаниях, реминисценциях, скрытых (и не скрытых) цитатах. Практически каждая его песня – это стилизация, парафраз или пародия (а порой и все одновременно). Иногда на какое-то конкретное произведение, иногда на какой-то жанр или стиль в целом, начиная от трубадуров, вагантов, Вийона, фольклорной поэзии, кончая Валери и Превером. И какими художественными средствами донести этот важный стилистический нюанс до русского читателя, как правило, не слишком хорошо знакомого с историей и текстами французской поэзии, тоже непонятно.

Опять же – так называемая ненормативная лексика. Казалось бы, с этим у нас теперь все в порядке, цензурных запретов вроде бы нет. Но оказывается, и здесь дело обстоит не так просто. Проблема в том, что французский «мат» обычно не несет такой вульгарной экспрессии, как его русские эквиваленты, и вообще имеет несколько иную семантическую и эмоциональную окраску. Так что порой, следуя этим «высшим» соображениям, приходилось снимать мат там, где в оригинале он есть, и, наоборот, вводить его там, где его нет.

И при всем этом стих должен быть абсолютно прозрачным, легким и изящным. Версификационные трюки должны выглядеть совершенно естественными и ненавязчивыми. Ни в коем случае нельзя допустить ни излишнего пафоса, ни развязного гаерства. Более того, даже в самых патетических

местах нужно дать понять читателю, что, о каких бы высоких материях ни зашла речь, автор никогда не позволит себе утратить чувство юмора и начать всерьез доказывать читателю что бы то ни было. Полное отсутствие декларативности – это один из основных творческих принципов Brassans.

Но даже если вообразить невероятное – что переводчикам удалось справиться со всеми вышперечисленными (и многими другими) сложностями и проблемами и создать нечто более или менее конгениальное текстовому оригиналу – все равно в творчестве Brassans останется то, что нельзя почувствовать, не услышав его собственного пения. Я говорю не собственно о мелодиях (хотя многие из них прекрасны) и не о манере исполнения (хотя она безупречна). Я говорю сейчас о том, чего за 25 лет пристрастного знакомства с песнями Brassans я так и не понял и чего, по всей видимости, не сумею толком объяснить. Поэтому могу порекомендовать читателям только одно: постараться услышать эти песни.

Что же касается истории переводов Brassans на русский язык, то нельзя сказать, что у нас его совсем не переводили. Было несколько подборок в «Иностранке» и других журналах, была, наконец, пробитая многолетними героическими усилиями Ю. А. Здорова книга французских текстов Brassans (Москва. «Радуга». 1990) с десятком переводов в разделе примечаний. Но, к сожалению, эти публикации носили в подавляющем большинстве своем несколько формальный или, лучше сказать, ознакомительный характер. То есть в них, как правило, дело не шло дальше более или менее неуклюжих

попыток зарифмовать сюжетную канву той или иной песни и практически полностью игнорировалось все, о чем я говорил выше и что, в сущности, определяет поэтику Brassans. И мне хотелось бы надеяться, что эта книга не заслужит у знатоков и любителей Brassans подобного отзыва.

Несколько слов по поводу комментариев: полагаясь на эрудицию наших читателей, мы рискнули отказаться от большей части комментариев общекультурного характера. Откомментированы только реалии, относящиеся к биографии Brassans, некоторые географические детали, а также наиболее существенные, на наш взгляд, литературные аллюзии и упоминания.

В заключение, необходимо заметить следующее: настоящая подборка, получилась, увы, довольно куцей и не слишком представительной. Многие из центральных вещей Brassans в нее, к нашему глубокому прискорбию, не вошли. Объясняется это до обидного просто – за долгие годы самоотверженных поисков и взыскательной селекции в распоряжении составителя так и не оказалось достойных, по его мнению, переводов этих шедевров. Так что, чем богаты... И, как в свое время деликатно выразился уже упоминавшийся Ю. А. Здоровов, нам остается только уповать на то, что основные достижения в многотрудном деле перевода Жоржа Brassans еще впереди.

М. Фрейдкин

ДУРНАЯ СЛАВА

В деревне каждый на виду,
Но это мне – лишь на беду.
Хоть вроде хлеб чужой не ем,
А все слыву Бог знает кем.
И кому б я мог досадить, ей-богу,
Если выбрал в жизни свою дорогу?
Но наш не жалует народ
Тех, кто живет наоборот.
Нет, наш не жалует народ
Тех, кто живет наоборот.
Меня клянут все на чем свет –
Немых у нас в деревне нет!

В полдневный зной, в июльский день*
На площадь мне тащиться лень.
Маршировать плечом к плечу
С толпой соседей не хочу.
И кому б я мог досадить, ей-богу,
Если не шагаю со всеми в ногу?
Но наш не жалует народ
Тех, кто с народом не орет.
Нет, наш не жалует народ
Тех, кто с народом не орет.
Все тычут пальцами мне вслед –
У нас в краю безруких нет!

* Имеется в виду 14 июля, День взятия Бастилии – национальный праздник Франции.

Что за беда, коль юный вор
В саду десяток яблок спер?
А старый скряга свору псов
На парня натравить готов.
Тут уж я сдержаться не мог, ей-богу,
Старого хрыча проучил немного.
Но не похвалит наш народ,
Коль ты вступился за сирот.
Нет, не похвалит наш народ,
Коль ты вступился за сирот.
С дубьем за мной бежали вслед –
У нас в краю безногих нет!

К чему семь пядей мне во лбу,
Чтоб предсказать свою судьбу?
Таких, как я, порядка для
Ждет сук и крепкая петля.
А кому б я мог досадить, ей-богу,
Если в Рим святой не нашел дорогу?
Но наш не жалует народ
Тех, кто попам не смотрит в рот.
Нет, наш не жалует народ
Тех, кто попам не смотрит в рот.
Глазеть на казнь придет весь свет –
Слепых у нас в округе нет!

ЗЕМЛЕКОП

Видит Бог, я вовсе не злодей,
Хоть живу за счет чужих смертей.
Но придумано не мной:
В землю путь ведет земной...
Я – несчастный землекоп...

От живых терплю весь век хулу,
Мол, покойник мне – кусок к столу.
Словно это так легко – в
Землю прятать земляков,
Как бедняга землекоп...

Но чем больше я скорблю по ним,
Тем насмешки злей. А я раним...
«Ты, брат, словно с похорон!» –
Слышу я со всех сторон...
Я – несчастный землекоп...

Смерть – она всем смертным госпожа,
Но на сердце руку положи,
Дрянь, скажу я вам, житье
В подмастерьях у нее...
Я – несчастный землекоп...

Что ж, прощай, приятель! В добрый путь!
Если встретишь Бога где-нибудь,
Расскажи, как тяжело
Мне дается ремесло...
Я – несчастный землекоп...

СТОИТ ТОЛЬКО МОСТ ПЕРЕЙТИ

Стоит только мост перейти,
И тотчас расстелются травы.
Коль тебе со мной по пути,
Навестим поля и дубравы!
Зашвырнем под мост башмаки
И вскачь по лужайкам зеленым
Побежим, как ветер легки,
За далеким утренним звоном.
Динь-динь-дон! Сегодня он снова
Серебром окрасит зарю.
Динь-динь-дон! Подругам ни слова –
Я на лапу дал звонарю.

Коль тебе со мной по пути,
Мы знаем, куда он протоптан.
Стоит только мост перейти –
И вступаем в царство цветов там.
Отыскать меж них нелегко,
Какие ты любишь, малютка –
Не нарцисс, не мак, не левкой...
По душе тебе незабудка!
Как глаза твои голубые,
Лепестки глядят сквозь траву.
Чтобы ты меня не забыла,
Я сейчас тебе их нарву.

Раз-два-три! И вот погляди:
Мы пляшем уже тарантеллу!

Коль тебе со мной по пути,
Ты получишь все, что хотела.
Я на лапу дал пастуху,
Чтоб нам он сыграл на свирели,
И мелькают пятки по мху
Под ее беспечные трели.
А колючка вцепится в ножку –
Слез потоки лить ни к чему.
Подними лишь платье немножко,
Я ее зубами сниму.

Мы друг другу клятв не даем
В любви до последнего вздоха.
Мы грешим? Ну что же, вдвоем
И в аду нам будет неплохо!
Коль тебе со мной по пути,
Стоит только мост перейти...

УТКА ЖАННЫ*

У Жанны
Нежданно
Под самый Новый год
Утка Канна скончалась.
Эх, жалость!
Так вот:

* Эта шуточная песня посвящена Жанне Планш, приютившей Брассанса в 1939 году, когда он приехал в Париж из Сета. Ей и ее мужу Марселю посвящена также включенная в этот сборник «Песня для овернца».

Причиной
Кончины
Хронический был нас-
Морк – болезнь, что сводила
В могилы
И нас.

Но странно,
Что Канна
За миг перед концом
Разродилась (ахти нам!)
Утиным
Яйцом.

Вот, впрочем,
И все, чем
Разжиться был я рад:
Лишь яичко да перья –
Теперь я
Богат.

Есть повод
И довод,
Чтоб с самого утра
Осушить по стакану
За Канну.
Ура!

ИСПОВЕДЬ РАСКАЯВШЕГОСЯ СУТЕНЕРА*

Приметив круп ее крутой
И взгляд нелживый,
Себе сказал я сразу: «Стой!
Тут быть с поживой!»
Но так проямлила она
«Пройдемся, котик?..»,
Что стало ясно: не сильна
Пока в охоте.

В ее глазах горел огнем
Талант к пороку,
Но без сноровки в нем одном
Не много проку.
Ведь в шлюхи выйти – потрудней,
Чем стать монашкой.
Остаться можно за пять дней
С одной рубашкой.

И чтоб помочь ей на пути
Таком негладком,
Я дал возможность расцвести
Ее задаткам.
Я научил ее ловчей
Водить боками

* Сюжет этой песни в некоторых ситуациях перекликается со знаменитым стихотворением Ф. Вийона «Баллада о толстухе Марго».

И носом чуют богачей
С их кошельками.

«В искусстве ловли хитрость в том
Чтоб выбрать способ,
Когда и как крутить хвостом», –
Изрек философ.
Негоже действовать одним
Простым манером
С врачом, чиновником, портным,
Пенсионером.

И вот, обученная мной,
Она старалась,
А я от выручки дневной
Себе брал малость.
Так мы союз скрепили свой
Доходным делом,
Где я, понятно, был главой,
Она же – телом.

Когда ж домой случилось ей
Ни с чем являться,
Не мог снести я, ей-же-ей,
Такого блядства.
Должно быть, снится до сих пор
Распутной твари,
Как неуютно было мор-
Дой в писсуаре.

Но наш альянс был прерван про-
зою банальной:
Настиг недуг бедняжку про-
фессиональный.
Как все интимные друзья
Ее утробы,
Смог кое-что узнать и я
Про те микробы.

Пройдя инъекций полный курс
С его рутиной,
Я к ремеслу утратил вкус
Необратимо.
Она, как водится, – в слезу,
Но я дал слово
На добродетели стезю
Вернуться снова.

Тогда, лишенная тепла
Моей опеки,
Она в бордель служить пошла,
Где за копейки
С любым легавым спать должна...
Поэты правы:
Как изменились времена,
Как пали нравы!

ПЕСНЯ ДЛЯ ОВЕРНЦА

Пусть этой песне грош цена,
Она тебе посвящена,
Тебе, овернец, что в пургу
Бродягу пустил к очагу.
Ты дал мне кров и связку дров,
Когда с порогов и дворов
Достопочтенных торгашей
Меня выгоняли взащей.
Не Бог весть что – согреть того,
Кто замерзает в холода,
Но я запомнил навсегда
Тепло очага твоего.

Когда, овернец, в свой черед
Тебя Господь наш приберет,
Твой чистый дух да будет сущ
Среди райских кущ.

Пусть этой песне грош цена,
Она тебе посвящена,
Тебе, хозяйка, что в мешок
Мне сунула хлеба кусок,
Глоток воды в сенях дала,
Когда в других дворах села
Смотрела свора обирал,
Как с голоду я умирал.
Не Бог весть что – призреть того,
С кем ходит об руку нужда,

Но я остался навсегда
В долгу у куска твоего.

Когда, хозяйка, в свой черед
Тебя Господь наш приберет,
Твой чистый дух да будет сущ
Среди райских кущ.

Пусть этой песне грош цена,
Она тебе посвящена,
Тебе, прохожий, – у плетня
Жандармы скрутили меня,
А ты кивнул мне вслед как друг,
Хотя во всех дворах вокруг
Шептались злобно куркули,
Что вешать меня повели.
Не Бог весть что – кивнуть в ответ
Тому, над кем висит беда,
Но я запомнил навсегда
Как ты улыбался мне вслед.

Когда, прохожий, в свой черед
Тебя Господь наш приберет,
Твой чистый дух да будет сущ
Среди райских кущ.

МАРИНЕТТА

Когда хотел я песенку пропеть для Маринетты,
Неверная красотка убежала в «Опера»,
И с песенкой своею я смотрелся очень глупо,
С ней выглядел, ей-богу, я как мудака!

К обеду раз горчицу я принес для Маринетты –
Неверная красотка принималась за десерт.
С горчицею своею я смотрелся очень глупо,
С ней выглядел, ей-богу, я как мудака!

В подарок я купил велосипед для Маринетты –
Неверная красотка укатила на авто.
С велосипедом выглядел я чрезвычайно глупо,
С ним выглядел, ей-богу, я как мудака!

Весь в мыле я примчался на свиданье к Маринетте –
Неверную красотку обжимал какой-то тип.
С букетиком фиалок я смотрелся очень глупо,
С ним выглядел, ей-богу, я как мудака!

Тогда я к ней явился, чтоб прикончить Маринетту –
Неверная красотка от простуды умерла.
И с револьвером выглядел я чрезвычайно глупо,
С ним выглядел, ей-богу, я как мудака!

В печали я пришел на погребенье Маринетты –
К приходу моему она опять была жива.
И в шляпе с черным крепом я смотрелся очень
глупо,
В ней выглядел, ей-богу, я как мудака!

ПУПОК ЖЕНЫ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ*

Нет слов, пупок жены мента
С позиций чистого искусства –
Картина, в сущности, не та,
Что возвышает ум и чувства.
Но я слышал про старика,
Чьи сокровенные амбиции
Сводились к зрелищу пупка
Жены сотрудника полиции.

«Мой путь по жизни был таков, –
Вздыхал чудак седоголовый, –
Что видел сотни я пупков
Различных классов и сословий.
Я свой умел собрать налог
С аристократа и с патриция,
Но не пришлось узреть пупок
Жены сотрудника полиции.

Отец видал в своем селе
Пупки супруг жандармов бравых.
Брат знал одну вдову в Шатле,**
С которой жил инспектор нравов.

* Стихотворная форма и сюжет этой песни пародируют стихотворение «Каркассон» французского поэта и шансонье Густава Надо (1820–1893). У Брассанса есть еще одно аналогичное стихотворение «Он не изведал гонореи», вошедшее в повесть «Замок чудес».

** Аристократический район Парижа

Сын был весьма накоротке
С женой советника юстиции.
А я лишь грезил о пупке
Жены сотрудника полиции!»

Так горько сетовал он вслух
Среди толпы самодовольной,
Когда раздался голос вдруг
Одной красотки сердобольной:
«Пускай был рок к тебе жесток,
Я все воздам тебе сторицею –
Я покажу тебе пупок
Жены сотрудника полиции!»

Вспотев от радости, старик
В экстазе крикнул: «Аллилуйя!
Грядет, грядет желанный миг!»
И к ней под юбку, торжествуя,
Полез добряк, мечтой влеком,
Забыв приличия кондиции,
Чтоб усладить свой взор пупком
Жены сотрудника полиции.

Но был бедняга изнурен
Больной фантазией своею –
Ведь как-никак полвека он
Провел в страданиях за идею.
И смерть настигла чудака
Под грудой дамской амуниции,
И не увидел он пупка
Жены сотрудника полиции.

ВИНО

Я все, чем дышу,
Вам живопишу
В охотку
И как на духу,
Но не на суху-
Ю глотку.
Ведь в нашей родне
Напитками не
Гнушались,
И жизни азы
Под сенью лозы
Вкушались.

Не зря и меня
С бутылкой у пня
Сыскали,
И в рот мой лились –
Из соски ли из
Соска ли –
Взамен молока
Спирты, что лака-
Ли предки.
Кровь наша – настой
Не очень густой,
Но крепкий.

Кто выпить уме-
ЕТ в самую ме-
Ру, в радость,

У тех под рукой
Приятель-другой
С утра есть.
Такой пузанок
Без рук и без ног,
Но с горлом,
И если он тут,
То слаще во рту
Прогорклом.

Немало Тантал
В аду испытал,
Бедняга:
Текло мимо рта,
А в рот – ни черта!
Однако,
Здесь кое-кому
Страшнее той му-
Ки, если
Взалкал, а монет
На выпивку нет,
Хоть тресни!

К несчастью, пока
Не льют облака
Спиртного,
Не гонит из трав
Дешевых отрав
Корова.
А если б текла
Пьянящая вла-

Га в Сене,
В ней горе топить
Сбегались, как пить
Дать, все мы.

СКВЕРНОСЛОВ

Помню, когда моложе был,
Вслух я ругаться не любил,
А коль уж брал на душу грех,
То отнюдь не при всех,
Но
Нынче, чтоб сладко пить и жрать,
Стал я с эстрады глотку драть
И матерюсь, хоть сам не рад,
При всех подряд.

Я – подзаборник,
Циник и ерник.
Груб, словно хряк, –
Зато остряк!

Чтобы галерку ублажать,
Чтоб жеребцов заставить ржать,
Смело пускаю в оборот
Сотни грязных острот,
Но
После концерта, встав к трюмо,
Я на себя кричу: «Дерьмо!
Наглая морда! Гнусный тип!
Чтоб ты охрип!»

Но пресновата
Песня без мата.
Раз уж поешь –
Вынь да положи!

В церкви я каялся в грехах:
В том, что про жопу пел в стихах.
И обещал я впредь попу
Класть на жопу табу,
Но
Если табу на жопу класть,
То на жратву придется красть.
Значит опять, едрена мать,
Табу снимать!

Очень сурова
Жизнь сквернословия.
Крайне груба
К нему судьба.

В мыслях моей супруги крен,
Как бы к кому вскочить на хрен.
Мне ж она мелет всякий вздор
Про венерин бугор,
Но
Кто ж станет спорить, что точнее
В сольном концерте спеть о ней,
Дескать, слаба она чуток
На передок.

Грустный мотивчик,
Бюстик и лифчик –

Шарм этих тем
Доступен всем.

Был бы мне чужд с собой разлад,
Если бы я, забыв разврат,
Пел благонравность поз и лиц
Непорочных девиц,
Но
Музы вердикт ко мне жесток:
«Помни, сверчок, про свой шесток!
Публика ждет твоих идей
Про жизнь блядей!»

Слишком я спор на
Песенки с порно.
Спорно лишь, как
Собрать аншлаг.

Как-то владельцу кабаре
Пел я о розах на заре.
Он разрыдался, как дитя,
И проямлил, грустя,
Что,
Слушая скромный мой куплет,
Вспомнил он грезы юных лет,
Тот цветничок на рю Блондель,
Где вход в бордель.

Славно умею
Спеть о дерьме я!
Тут мне Орфей –
Не корифей!

Очень люблю я вечерком
С трубкою выйти на балкон,
Глянуть, как добрый наш народ
Ходит взад и вперед,
Но
Стоит лишь тронуть мне струну,
Как затяну на всю страну,
Что не народ внизу ходил,
А сброд мудил!

Я ж – подзаборник,
Циник и ерник.
Груб, словно хряк, –
Зато остряк!

Лучшие мне сулят умы
Скорую встречу с князем тьмы,
Дескать, придется мне в аду
Сесть на сковороду,
Но
Верю, Господь наш – не ханжа,
Он, пожурив для куража,
Выдаст мне пропуск в райский сад
Пинком под зад:

«Входи, позорник,
Циник и ерник!
Груб ты, как хряк, –
Зато остряк!»

РОГОНОСЕЦ

Жена моя прожить не может без общенья.
И если я ловлю на речке окуней,
Она до моего с рыбалки возвращенья
В постели день-деньской, и кто-нибудь – на ней.

Да, я давно рогат – ее любой ласкает.
Медовый месяц наш зачеркнут и забыт.
Меня она к себе уже не подпускает,
Хотя без ласк мужских ее почти знобит.

И ей плевать на то, как мне терзает душу
Позор, что запятнал семейный наш союз.
А я худой молвы со дня венчанья трушу,
Насмешек, как чумы, боялся и боюсь.

Прохвосты всех мастей из моего стакана
Мое же пьют вино. Отряды объедал
По дому моему снуют как тараканы –
И сколько я их тут уже перевидал!..

Под вечер прихожу голодный и усталый,
А эти, стыд забыв, резвятся нагишом
И даже от меня не прячут гениталий,
А праведный мой гнев им, циникам, смешон.

Не скажет ни один приветливого слова –
Напрасно ждать от них участия и тепла.
А трудно ли спросить хотя б насчет улова,
Как дети, как семья, как прочие дела?..

Для мужа доли нет постыднее и злее,
Чем быть со всех сторон обманутым, как я.
А ведь других мужей любовники лелеют:
В конце концов – свои, считай, одна семья.

Вот одного из них к обеду черт приносит –
От жадности сопя, на стол косится он.
Пусть я такой-сякой, пусть трижды роконосец,
Пусть кто угодно, только не амфитрион!

Деля со мной жену, мерзавцы свято верят,
Что должен с ними я свой хлеб делить... Ослы!
Случалось мне таких и выставлять за двери,
Следя, чтоб мой улов с собой не унесли.

А чтобы уходя сразить меня на месте,
Порою сукин сын с порога ляпнет вдруг:
«Да он сто лет рогат, почтенный наш

брандмейстер!»

Заметьте, что брандмейстер – мой ближайший друг!

ОНА БЫЛА ТАК ХОРОША

Она была так хороша, так хороша,
Что я глядел, едва дыша, едва дыша,
Как эти ножки по реке
Шли от меня невдалеке, невдалеке.

Но я схитрил на свой фасон, на свой фасон,
Я притворился, что я сом, усатый сом,

И распугав всех окуней,
Я под водой подкрался к ней, подкрался к ней.

Проделав этот ловкий трюк, опасный трюк,
Ее ступню поймал я вдруг, поймал я вдруг.
Клянусь, подобная еда
Сомам не снилась никогда – нет, никогда!

Чтоб мне за дерзость отомстить (нет, чтоб
простить!),
Она давай меня топить, в воде топить,
И в ил речной уткнувши лоб,
Я притворился, что утоп, что я утоп.

Тогда, решив, что мне капут, совсем капут,
Что мой окончен грешный путь, мой грешный путь,
Она давай меня спасать –
Усы и губы мне кусать, кусать, кусать!

И я скажу без громких фраз на этот раз:
Чтоб встретить так свой смертный час, последний
час,
Я ради эдаких минут
Готов опять в реке тонуть, в реке тонуть.

Потом резонам вопреки я вдоль реки
Пошел к ней в дом просить руки, ее руки.
Да вот в кармане недород –
И от ворот мне поворот, мне поворот.

Она досталась торгашу, ох, торгашу!
Но отступаться не спешу, нет, не спешу –

Ведь этот хрыч с тугой мощной
Постарше, чем библейский Ной, библейский Ной

И после свадьбы я все жду, упрямо жду,
Когда же в нем найдет нужду, найдет нужду
И разлучит с моей красой
Та, что без носа, но с косою, с большой косою.

Зарыв в могилу старика, всплакнув слегка,
Его вдова наверняка, наверняка,
Чтобы утешиться вполне,
Вдоль по реке придет ко мне, придет ко мне.

ПРОБЛЯДУШЕЧКА

Я хожу сам не свой, я ночами не сплю,
Я готов хоть сейчас головою в петлю.
Бытия мне открылся звериный оскал –
Я вчера свою птичку под мужем застал.

Моя душечка –
Проблядушечка!

Наш галантный роман протекал на «ура»,
Но отныне все кончено, ибо вчера
Я застал их в кустах, и поверьте мне, что
Было архибезнравственным зрелище то.

Описать свои чувства сумею едва ль:
Как могла покуситься развратная тварь

2 Брассанс Ж.

На святая святых – на любовника честь
И высокую страсть до интрижки низвесть!

Так меня ослепил этой страсти порыв,
Что не смог я заметить, как с некой поры в
Наших актах не стало былого огня,
Да и дети пошли у нее не в меня.

А теперь, чтобы в воду упрятать концы
И впридачу подсыпать на рану сольцы,
Эта шлюха с улыбкой твердит нам двоим,
Мол, не тот рогоносец, кто кажется им.

Я застал их вдвоем (пусть Господь им зачтет!)
При попытке свой брак подновить за мой счет.
Я застал вероломную вставшей в партер
При попытке по кругу пустить адюльтер!

Моя душечка –
Проблядушечка!

БАЛЛАДА О КЛАДБИЩАХ*

«Мест, где лежат родные кости,
У нас в семье не перечеть.
Посмотришь – на любом погосте
Из наших кто-нибудь да есть.
Тот под плитой, тот в мавзолее –
Почивших предков имена
Составят целые аллеи,
Да незадача есть одна...

Судьбой не слишком я обласкан,
Скупа она на благодать:
Ведь нет моих на Монпарнасском,
А мне туда – рукой подать!

В Пантен я знаю каждый холмик,
Мне каждый крест в Банье знаком,
Две-три могилки, если вспомнить,
Найду на кладбище морском.
И в городах найду, и в селах –
Везде, где нужен землекоп
Для новоселий невеселых, –
Найти бы здесь, недалеко б

Хотя б намек, хотя б привязку,
Хоть слабый повод утверждать,

* Упомянувшиеся в песне *Пантен, Банье и Шаронн* – названия знаменитых парижских кладбищ. Кладбища с названием «*Шамперс*» в Париже нет. Говоря о «*кладбище морском...*», Брассанс имеет в виду стихотворение Поля Валери «*Морское кладбище*».

Что есть мои на Монпарнасском,
Ведь мне туда – рукой подать!

Усердно в день поминовенья
В порыве самых скорбных чувств,
Я, не присев ни на мгновенье,
По всем некрополям мечусь.
С большим букетом иммортелей
Я был замечен в Шампере,
Потом в Шаронне подглядели,
Как я беседовал с кюре...

Но только враль расскажет сказку,
Про то, что смог он увидеть
Меня в тот день на Монпарнасском,
Хоть мне туда – рукой подать!

Мы собрались в саду усадьбы –
Столетней тетушки родня,
И каждый думал: «Эх, узнать бы,
Помрет иль нет к исходу дня!»
Кто ожидал в минуты бденья
Ее ковры, кто – капитал,
А кто на все ее владенья
Надежды смелые питал.

И лишь один был среди нас, в ком
Жила мечта – земле предать
Старухин прах на Монпарнасском,
Ведь мне туда – рукой подать!»

Так горевал тоской объятый,
Но очень бодрый господин
Над прахом славного Солдата,*
Чье имя знал лишь он один.
Однако этой мрачной сагой
Он так наскучил небесам,
Что там решили: пусть бедняга
На Монпарнасе ляжет сам.

Но похоронщики из Шартра,
С утра успевшие поддать,
Его доставили к Монмартру,
Откуда дома не видать.

МЕДНЫЕ ТРУБЫ

Привыкнув жить вдали от людных магистралей,
Как некий персонаж старинных пасторалей,
И, не платя отнюдь с известности оброк,
На лаврах я почил и дрыхнул как сурок.
Но мудрые умы мне дали догадаться,
Что публике своей мне есть в чем отчитаться.
Покуда не совсем забыли мой портрет,
Повинен я раскрыть малейший свой секрет.

О, трубы!
О, звучащая медь!

* Имеется в виду могила Неизвестного Солдата на площади Звезды в Париже. Герой песни считает его своим родственником.

В гробу бы
Хотел вас иметь!

Должны ли раздевать бесстыдно догола мы
Себя во имя нужд и прихотей рекламы?
И надо ль, чтоб узнал не сват мой и не брат
Про то, где, как и с кем впадаю я в разврат?
Скажи я имена – и поползли бы слухи,
И сколько пенелоп попали б сразу в шлюхи,
И сколько бы друзей забыли мой порог,
И сколько бы мужей в меня вонзили рог!

Являться нагишом при всем честном народе
Мне тошно, ибо я застенчив по природе.
Лишь дамам и врачам – ручаюсь головой! –
Давал я изучать мой орган половой.
И мне ль, себя прельстив успеха сладким пленом,
На барабане дробь бить детородным членом?
И мне ль его нести, как тот святой сосуд,
Что в храмах к алтарю торжественно несут?

С одной из знатных дам в просторной зале
спальной
Я часто утолял мой голод сексуальный,
И на меня с нее – кто б мог вообразить! –
Однажды переполз вульгарный паразит...
Ужели все теперь не ведаем стыда мы?
Рискну ль себе в корысть я честью светской дамы,
Трубя на всех углах, крича для всех ушей:
«С маркизы имярек я снял лобковых вшей!»

С известным всей стране кюре сладкоголосым*
Давно в согласье мы по всем больным вопросам:
Я – грешный сукин сын, он – праведный отец.
Где скажет он «аминь!», там я скажу «пиздец!»
К лицу ль мне объявлять проворным репортерам,
Что и в мирских делах, как дух святой, востер он,
Что я его застал с моей Марго врасплох –
Он пел ей, а она в тонзуре била блох.

Но с кем же, черт возьми, делить мне надо ложе,
Чтоб славный этот факт в газетах был изложен?
Какая поп-звезда иль чья еще жена
Гитару заменить в объятьях мне должна?
Чтоб толки возбудить и отклик благодарный,
Кто даст мне напрокат свой бюст
сверхпопулярный?

Кто мне предложит свой прославленный лобок,
Чтоб прессы интерес стал долог и глубок?

Разверз бы шире зев разнузданной трубы я,
Когда бы сгоряча, подался в голубые,
И бедрами крутя, что юная мамзель,
Глазел по сторонам, пугливо как газель?
Но разве угодишь капризной нашей моде?
Уже содомский грех не так любим в народе.
Не всякий педераст идет за миллион –
Средь баловней судьбы их нынче легион!

* Речь идет о современнике Брассанса, известном в свое время священнике отце Дювале, который действительно выступал на эстраде в качестве певца.

Прилежно изучив все средства и приемы,
Которыми себе рекламу создаем мы,
Решил я: реноме – забота не моя,
За ним пусть кто другой гоняется, а я
Публично петь готов, когда желают слушать,
А нет – так для себя, иль вовсе бью баклуши.
И не платя отнюдь с известности оброк,
На лаврах вновь почил и дрыхну как сурок.

О, трубы!
О, звонкая медь!
В гробу бы
Хотел вас иметь!

РОМАШКА

Дал с ромашкою промашку
Наш аббат.
Он из требника бедняжку,
Говорят,
Уронил во время мессы
На алтарь,
Как отъявленный повеса
И бунтарь.

Сам епископ в гневе тискал,
Тряс псалтырь:
«Как попал цветок нечистый
В монастырь?
Как пробраться к нам в аббатство
Он дерзнул,

На святое наше братство
Посягнул?!»

Если, Боже, есть ты все же
Наверху,
То не верь ты в эту ложь и
Чепуху,
Мол, с монашкой за рюмашкой
Наш кюре
Обзавелся той ромашкой
На заре.

Это сплетни! – он намедни
В самый пост,
Обходя перед обедней
Наш погост,
Заложил случайно требник
Тем цветком.
Вот и все. А люди треплют
Языком...

Понапрасну мутят паству,
Бьют в набат.
Верен Деве добрый пастырь –
Наш аббат.
Как же смели пустомели
Не понять:
Грех ромашку в черном деле
Обвинять!..

ВОЙНА 1914-1918 ГОДОВ

С тех пор как чаянья народов
Свелись лишь к войнам и резне,
Из всех сражений и походов
Какой же памятнее мне?
Свой выбор скрыть я не умею:
Мне среди всех родней одна –
Всех симпатичней, всех милее
Та незабвенная война!

Нет, я отнюдь не презираю
Баталий честной старины
И никогда не забываю,
Как Бисмарк нам спустил штаны.
От войн таких в душе светлее,
Их не пошлешь так просто на...
Но только мне всего милее
Та незабвенная война!

Я знаю, что герои Спарты
Мечом косили не бурьян,
И гренадеры Бонапарта
Палили не по воробьям.
Их беспримерны эпопеи
Их легендарны имена,
Но для меня всего милее
Та незабвенная война!

И брань, что нас покрыла славой
В тот роковой сороковой,

Была достаточно кровавой,
Чтоб насладиться таковой.
Швырнуть упрек ей я не смею –
Грош, мол, такой войне цена,
Но и ее, по мне, милее
Та незабвенная война!

Я признаю в ряду достойных
И стычки доблестных «маки»,
Ведь в этих, пусть незнатных, войнах
Шли в ход не только кулаки.
В любой из них – свои трофеи,
Свой колорит и новизна,
Но лично мне всего милее
Та незабвенная война!

Наш добрый Марс с похвальным рвением
Готовит новой бойни план.
То, верно, будет откровеньем
Для всех, кто в этом не профан.
Я лишь одну мечту лелею,
Чтоб поскорей пришла она!
Ну, а пока мне всех милее
Та незабвенная война!

ЛЮБОВЬ БЫЛЫХ ВРЕМЕН

В ту пору бегал я за юбками из ситца.
Марго была швея, Фаншетта – кружевница...
Не голубых кровей, прошу меня простить.

Вы скажете, мой вкус слегка простонароден:
Сирены пустырей, венеры подворотен...
Мой принц, не всем дано прекрасных дам любить.

Когда нам двадцать лет, милее то, что рядом.
Любое декольте мы провожаем взглядом,
Пастушки скромный лик – божественно красив.
Пусть не было маркиз – служанки нас пленяли,
За наименьшем роз фиалки мы срывали...
Весною Купидон не слишком прихотлив.

Порою, парень-хват, к девчонке подхожу я:
По нраву я тебе, ты – мне, и все в ажуре,
Гуляем час-другой, о чувствах ни словца,
Потом на всех парах с ней мчимся на Киферу,
Попутку предпочтя услугам гондольера
И в спешке прихватить забыв свои сердца.

Красотка, что скрывать, казалась неприглядной,
Хотя по мере сил старалась быть нарядной.
Роскошное манто и шелковый корсет
Не снились ей и в снах, но стоило лишь снять ей
И старое пальто, и простенькое платье –
Психея пред тобой во всей своей красе!

Бывало, день спустя к подружке прибегу я,
Она уже с другим воркует, попрыгунья...
Никто не лез в петлю и не сходил с ума.
Ромашка, по какой гадали мы с Сюзеттой,
Теряла лепестки последние с Лизеттой,
Но всякий раз любовь брала свое сполна.

Вы скажете, мой вкус слегка простонароден –
Сирены пустырей, вены подворотен...
Но я других не знал, прошу меня простить.
Манон, Мими, Сюзон – подружек вереница...
Марго была швея, Фаншетта – кружевница...
Мой принц, не всем дано прекрасных дам любить...

УБИЙСТВО

Страшным разбоем, говоришь,
Болен давно Париж?
Но и у нас в глуши, поверь,
Крепко шалят теперь.

Жил тут один седой дедок.
К старости стал – ходок.
Как-то подход сумел найти
К телке лет двадцати.

Но при okazji такой
Нужен кошель тугой,
А у него в кармане – грош
Да на аркане вошь.

Пара свиданий – и готов,
Выдохся наш Иов.
А после третьего он в срок
Ей заплатить не смог.

Был у нее приятель-хват,
Жаден и вороват.

С ним и пришла она к дедку
Выколотить денюгу.

Парень в момент его скрутил,
Девка что было сил
Стиснула горло раз-другой –
Он и с копыт долой.

Что же нашли они потом,
Перетряхнув весь дом?
Только расписки да счета –
Полная нищета.

Тут и раскаялась она.
С криком «моя вина!»
Перед покойным пала ниц
Вроде святых блудниц.

В горьких рыданиях поутру
Девку застал патруль.
Чистый ручей рыданий тех
Смыл ее смертный грех.

Кончив на плахе жизнь свою,
Нынче она в раю,
Чем все судейские чины
Крайне огорчены.

Страшным разбоем, говоришь,
Болен давно Париж?
Но и у нас в глуши, поверь,
Крепко шалят теперь.

ВСЕ ЗА ОДНОГО

Нет, это вовсе был не плот
«Медузы»,* как не первый год
В портах болтают про него –
Впрочем, что с того?
По мелководью наших дней
Ведом он компаса верней
Девизом «все за одного!»,
«Все за одного!»

Герб «*Fluctuat nec mergitur!*»*
Отнюдь был не литератур-
ным объясненьем, отчего
На борту его
И капитан – не сукин сын,
И вся команда, как один,
Готова и в огонь, и в во-
ду за одного.

В их дружбе не было примет,
Того, чем славен Никомед,
Здесь не в чести ни у кого
Дружеложество.

* Речь идет о печальном знаменитом крушении французского судна «Медуза» (1816). 149 его пассажиров пытались спастись на плоту. Плот был обнаружен 12 дней спустя. На нем оказалось 15 человек. Остальные погибли или были съедены выжившими.

* Латинское выражение, означающее «качается, но не тонет», является девизом города Парижа, в гербе которого есть изображение корабля.

Здесь у любого ты спроси,
Кем был Монтень для Бозси,
И в рог схлопочешь у него –
Только и всего!

Никто б команду ту принять
Не мог за ангельскую рать,
Про душ высокое родство
Нет и разгово-
Ра. Шли по жизни напролом,
Твердя единственный псалом:
Один за всех и – *qui pro quo* –
Все за одного!

Когда ж вздымался бури шквал,
Вставала дружба за штурвал,
Какой бы там из-за морей
Ни подул борей.
И если друг сигналил «SOS»,
Ему швыряли с борта трос.
Еще посмотрим, кто кого!
Все за одного!

Когда назначен сбор мужчин,
То уважительных причин,
Чтоб не прийти на торжество,
Нет ни для кого.
И если друг не у стола –
Косая счеты с ним свела
И надо выпить за него,
Всем – за одного!

На многих плавал я судах,
Но лишь одно – в годах и льдах –
Не сбилось с выверенного
Курса своего,
По мелководью наших дней
Ведомо компаса верней
Девизом «все за одного!»,
«Все за одного!»

22 СЕНТЯБРЯ

В этот день вы изволили смыться куда-то,
И с тех пор в годовщину сей горестной даты
Каждый раз я рыдал безутешней вдовы.
Но сегодня он снова пришел и, не скрою,
Мне плевать на сентябрь, и на двадцать второе,
И на то, где и с кем обретаетесь вы.

Не увидит никто в листопадную пору
Мою скорбную тень в черном трауре по ру-
Бину и янтарю облетевшей листвы.
Без меня обойдутся улитки Превера*
На безрадостной тризне осеннего сквера.
Мне плевать, где и с кем обретаетесь вы.

Сколько раз в этот день был я близок к решению
В вашу память сломать свою крепкую шею,
Устремясь за касаткой в просвет синевы.

* Ж. Brassans, очевидно, имеет здесь в виду знаменитое стихотворение Ж. Превера «Песня об улитках, отправившихся на похороны».

К счастью, комплекс Икара мне нынче несносен.
Улетая, касатка не делает осень.
Мне плевать, где сегодня витаете вы.

Я хранил иммортелей букетик увядший,
Кружевной повязав его ленточкой вашей,
Но теперь и ему не сносить головы.
Пусть бессмертники смерть забирает обратно.
Вечных вздохов и слез мне печаль непонятна.
Мне плевать, где и с кем обретаетесь вы.

От привычной тоски равноденствий постылых
Я отныне свободен, и осень не в силах
Оживить эту боль – струны сердца мертвы,
Жар любви догорел, угли тоже погасли...
Не поджарить каштан, даже если он в масле...
Мне плевать, где и с кем обретаетесь вы.

Но о вас не грустить – это грустно, увы...

ЗАВЕЩАНИЕ С ПРОСЬБОЙ БЫТЬ ПОХОРОНЕННЫМ НА ПЛЯЖЕ В СЕТЕ*

Костлявая Карга, которой, что есть сил,
Я от младых ногтей старательно дерзил,
Мой след взяла с сугубым тщанием.

* Город на средиземноморском побережье Франции, где Брассанс родился, провел детство и юность. Просьба, содержащаяся в этом завещании, выполнена друзьями и родными поэта – в 1981 году Жорж Брассанс был похоронен на пляже в пригороде Сета – Ла Корниш.

И вот, приперт к стене чредою похорон,
За благо я почел, пока не грянул гром,
Внести поправки в завещанье.

Нотариус, в залив Лионский голубой
Перо свое макни! Сегодня мы с тобой
Запишем, где мне станет пухом
Земля и сыщет плоть последний свой приют,
Когда на небесах небрежно подмахнут
Ее развод с заблудшим духом.

Ему – за облака, ушедшим душам вслед
Красоток и бродяг давно минувших лет,
Свой устремить полет отважный,
А ей – к родным местам отправиться чуть свет
На скором, что идет прямой дорогой в Сет,
Где свалят гроб на двор багажный.

Жаль, наш фамильный склеп немного тесноват
(В нем уж который век могилы нарасхват).
Мне, право, было бы негоже
Вломиться к старикам и брякнуть: «Вот, мол, я!
Подвиньтесь-ка слегка, коллеги и друзья,
И дайте место молодежи!»

Поэтому прошу зарыть мой бедный прах
На самом берегу, от моря в двух шагах,
Где у моей песчаной ниши,
Как в детские года, веселой чередой
Дельфины будут куролесить над водой, –
На нашем пляже в Ля Корнише

Здесь никогда Нептун не сердится всерьез,
И даже если вдруг корабль пошел вразнос,
То капитан кричит из рубки:
«Мы тонем, черт возьми! Ребята, по местам!
На этой глубине любой спасется сам –
Грузите выпивку на шлюпки!»

И здесь в пятнадцать лет я понял что к чему
(Что на песке вдвоем милей, чем одному),
И повстречав морскую гостью,
Я с нею в первый раз, но до последних строк,
И вдоль, и поперек прошел любви урок
И поперхнулся первой костью.

Пред мэтром Валери, великим земляком,
Всегда останусь я плохим учеником
И лишь в одном успех предвижу:
Хоть мне не по плечу его могучий стих,
Но если рассуждать о кладбищах морских,* –
Мое, бесспорно, к морю ближе.

Пусть этот скромный холм меж небом и волной
Печальной мысли не разбудит ни одной
Ни в ком, и я не пожалею,
Коль ширмой станет он купальщицам нагим
И дети на песке воздвигнут рядом с ним
Свои дворцы и мавзолеи.

* Здесь Жорж Брассанс в который уже раз ссылается на хрестоматийное стихотворение П. Валери «Морское кладбище». Могила Поля Валери действительно находится в Сете на городском кладбище.

Еще лишь об одном просить не премину:
Пусть над моим холмом тенистую сосну
Посадят, чтобы ненароком
Друзей не хватанул здесь солнечный удар,
Когда они толпой заявятся сюда
Предаться скорбным эквивокам.

И пусть в последнем сне мой услаждают слух
Мелодии сестер латинских наших двух,
Когда мистраль и трамонтана
Мне с моря принесут лозы соседской хмель:
Фанданго – поутру, а к ночи – вилланелль,
И тарантеллу, и сардану.*

А если невзначай появится из вод
И на краю моей могилы прикорнет
Нагая юная ундина,
Заранее прошу прощенья у Христа,
За то, что даже тень от моего креста
Чрезмерно станет возбуждима.

Герои и цари, Рамзес, Наполеон,
Певцы, чей гордый прах упрятан в Пантеон,
Вам не понять подобной блажи!
Урок вам и пример – бессрочный отпускник,
Что дни небытия проводит, как пикник
На средиземноморском пляже.

*Брассанс говорит об итальянской и испанской народной музыке и упоминает названия испанских и итальянских песен и танцев.

ТЕЛЕСНОЕ НАКАЗАНИЕ

Что печальней на свете, чем участь вдовы?
Старый школьный приятель скончался, увы,
Не оставив супруге детей в утешенье.
Я почтил его память, вдову посетив,
Но не видя на вечер других перспектив,
С ней побыть возле гроба я принял решенье.

Чтоб унять ее боль, чтоб тоску укротить,
Начал я, как умел, балагурить, шутить -
Все прилично тому, кто врачует нам души.
Я остротами сыпал, валял дурака,
Так что вскоре держались мы с ней за бока
И казалось, ей-богу, нас хохот задушит.

Позабыв про свою неподдельную грусть,
Предложила хозяйка любезная: «Пусть
Не стесняют вас тут никакие запреты.
Мой супруг задыхался в табачном дыму,
Но теперь никотин уж не страшен ему...
Черт! Куда подевались мои сигареты?»

А потом, ближе к ночи, сказала: «Пора
Подкрепиться. К чему в благочестье игра?
Аскетизм наш покойнику вовсе не нужен.
Кое-что я в буфете с утра припасла -
Не угодно ль отведать, что Бог нам послал?» -
И накрыла в гостиной изысканный ужин.

«Посмотрите, мой мальчик как будто заснул!
Он, бедняжка, едва ли б меня упрекнул,

Что тоску по нему заливаю шампанским...»
А когда осушили мы с ней по второй,
В мыслях юной вдовы вдруг нарушился строй,
Понеслись они в ритме почти африканском.

Со словами «там будем мы все, милый друг!»
На колени ко мне она плюхнулась вдруг
И, поймав мои губы, добавила храбро:
«Полагаю, для вас поцелуй – не табу?
Я боялась, что заячью прячет губу
Эта ваша колючая рыжая швабра!»

Как?! Усы – мою гордость – со шваброй сравнить?!
За подобную дерзость не грех применить
Экзекуцию строгую прямо на месте.
Сознавая свой педагогический долг,
Я задрал этой наглой особе подол –
Бац! – и вздрогнула плоть под десницей возмездья!

«Ой! Вы попочку мне рассекли пополам!...»
И хотя пострадала она по делам,
Я решил, что достойна вдова снисхожденья,
Но не сразу смекнул: ведь она солгала
И расселина та несомненно была
У нее там и прежде – должно быть, с рожденья.

Я опять размахнулся, но шлепнул слегка –
Почему-то совсем ослабела рука,
А плутовка к тому же мне строила глазки,
Продолжая упорно меня обнимать...
Словом, прежде чем что-то я стал понимать,
Перешло наказание в нежные ласки.

О МНОЖЕСТВАХ

«Эй, любезный, вы снова идете не в ногу!
Отобьетесь от нас – попадете в беду!» –
Ваша правда, друзья, только я понемногу
Хоть с грехом пополам, но один добреду!
Мне толпа – не указ, я сужу о ней так:
Если пятеро вместе, то каждый – мудака!
Мне с шеренгами олухов не по пути,
В их сплоченных рядах вам меня не найти.

Боже, сколько процессий, колонн, демонстраций,
Сколько сборищ бессмысленных – ныне и встарь!
Сколько лиг, сколько клик, сколько партий и
фракций –

Сам Превек не собрал бы такой инвентарь!*

Мне толпа – не указ, я сужу о ней так:
Если пятеро вместе, то каждый – мудака!
Мне со сворой взбесившейся не по пути,
В злобной стае волков вам меня не найти.

Да, идея была высока и прекрасна!
Мы под сень ее сгрудились, веря в успех.
Мы мечтали о счастье всеобщем... Напрасно!
К сожаленью, его не хватило на всех.
Мне толпа – не указ, я сужу о ней так:
Если пятеро вместе, то каждый – мудака!

* Имеется в виду стихотворение Ж. Превера «Инвентарь», в котором в едином перечне объединены разнородные и несовместимые понятия.

Мне с когортою избранных не по пути,
В кулуарах и в ложах меня не найти.

Не привык я греметь ни в литавры, ни в трубы,
Потихоньку тяну свой глумливый напев,
И плевать мне на тех, кто объявит, что грубы
Мои песни, едва их услышать успеv.

Мне толпа – не указ, я сужу о ней так:
Если пятеро вместе, то каждый – мудаk!
Мне с большими оркестрами не по пути,
В их почтенном строю мой попитр не найти.

По блядам отправляться оравой поддатой
Не по мне – одному и милей, и верней.
Согласитесь, друзья, для фаллических статуй
Монолит предпочтительней кучи камней.
Мне толпа – не указ, я сужу о ней так:
Если пятеро вместе, то каждый – мудаk!
Мне с такою бригадою не по пути,
В тесной связке залуп вам моей не найти.

Не завидую павшим в сраженьях и войнах.
В мир пришел я один и один удалюсь.
До могилы своей доберусь без конвойных –
Чем угодно, но саваном не поделюсь.
Мне толпа – не указ, я сужу о ней так:
Если пятеро вместе, то каждый – мудаk!
Мне с отрядами смертников не по пути,
В общей свалке костей вам моих не найти.

БЮЛЛЕТЕНЬ О СОСТОЯНИИ ЗДОРОВЬЯ

Утратил я брюшко, двойной свой подбородок
Так быстро, что пошла гулять среди народа
Молва про злую хворь, из чьих жестоких лап
Не вырвет ни один искусный эскулап.

По горло сыты все чудовищем Лох-Несса –
Пока ничем другим увлечь не может пресса.
Ссылаясь между строк на злые языки,
Мне саван спешно шьют бульварные листки.

Кому охота быть предлогом к некрологу
И к худшему себя готовить понемногу?
Покуда я здоров и впредь намерен жить,
Хочу всю правду вам публично доложить.

Вот факты, господа, я объявить готов их:
Я выбыл из рядов мужчин трехсотфунтовых.
Виной тому Лизет, Мими, Марго, Нинон –
Других уже теперь не вспомню я имен.

Свой давний обиход размеренный колебля,
Живу я – что ни день, то ебля, ебля, ебля!
Козлу бы в самый раз усердие мое б –
Такой меня пробрал заеб, заеб, заеб!

Прошу меня понять: во мне душа сатира,
Жаль только, что герой – не всякий, кто задира.
Ведь ни одну из тех, с кем я гневил Творца,
Не смог я довести до светлого конца.

Однако даже я отчаянно неистов,
В том случае когда супруги журналистов,
Узнав, что дни мои, к несчастью, сочтены,
Спешат мне скрасить их, спустив с меня штаны.

Такой порыв души достоин уваженья,
И в самых что ни есть бесстыдных положеньях
Готов с любой из них я выказать кураж,
Под зад ей подложив непроданный тираж.

И если б после той возни парнокопытных
Пришлось открыть ей тыл для взоров любопытных,
Увидели бы все, что вдоль и поперек
Оттиснуты на нем столбцы газетных строк.

Услышав за стеной стенания и вздохи,
Не думайте, что впрямь дела мои так плохи,
Что старина Брассанс отбежался, пострел, –
Он просто хорошо партнершу разогрел.

Услышав клич: «Вставай, бесчувственный
мошенник!»,
Не думайте, что час из мертвых воскрешенья –
Пришел. То плотский пыл редакторши одной
Зовет меня восстать на штурм очередной.

Конечно, иногда в чаду таких мистерий
Приходится нести обидные потери –
Объявит Гиппократ: «Чесоточный грибок»,
Гален ему в ответ: «Скорее гонококк!»

Обоим верю им. Венера нас порою
Пинает крепко в пах, что для меня, не скрою,
Лишь полбеда – мужской страдает аппарат,
Но жизнь моя при мне, чему душевно рад.

Досадное пятно на радужной картине –
Киферу посетив, томиться в карантине.
Но нет и трижды нет! Пока я не знаком
С той хворью, о какой все шепчутся тайком.

Свой давний обиход размеренный колебля,
Живу я – что ни день, то ебля, ебля, ебля!
Козлу бы в самый раз усердие мое б –
Такой меня пробрал заеб, заеб, заеб!

НЕДОБРОСОВЕСТНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ

Тревогу пора поднимать:
Торгует супруга и мать,
Словно блудница,
Почтенною плотью своей –
Так может ли у дочерей
Стыд сохраниться?

Мечтая о лаврах Манон,
Спешат легионы матрон
С резвостью сучьей
Занять на панели места
И рвут у блядей изо рта
Хлеб их насущный.

Какую напасть нанесло
На тех, кому блуд – ремесло,
А не призванье!
Ревмя Магдалина ревет:
Профессия средств не дает
К существованью!

Девчонки, отродье нужды,
Вовсю подставляют зады
Дяденькам старым.
Сопливая кроха, дитя,
Мужчин совращает шутя
И не задаром.

На светскую дуру взгляни:
Ни золота в сейфе и ни
Кожи ни рожи.
И чтобы поправить дела,
Мадам, закусив удила,
Ловит прохожих.

Чиновник позволил жене
Сбывать по оптовой цене
Все, что под платьем.
С продажи увядших красот
Наличные в дом принесет,
Если заплатим.

И ходит по городу слух:
Клиент отвернулся от шлюх,
Скор на капризы.

Дешевле теперь раза в два
Хозяйка, студентка, вдова –
Вплоть до маркизы.

К тому же у них завелась
Манера усердствовать всласть
Ради искусства.
Становятся, Бог их прости,
За так на четыре кости...
Словом, паскудство!

Тревогу пора поднимать:
Торгует супруга и мать,
Словно блудница,
Почтенною плотью своей –
Так может ли у дочерей
Стыд сохраниться?

НЕГОДНЫЙ МАЛЬЧУГАН

Негодный мальчуган, тоски моей виновник,
Без крыльев за спиной, одетый, как чиновник,
И с исполнительным листом,
О крахе услышав и о банкротстве скором
Сердечных наших дел, – суровым кредитором
Он входит в наш печальный дом.

Без тени торжества, без капли сожаленья
Он заявляет нам: «Прошу без промедленья
Вернуть и впредь займы не брать

Комплект казенных стрел – вы не сумели с ними
Достойно обойтись, и потому отныне
Вам в эти игры не играть!»

Забытую найдя среди мусора и пыли
Ромашку, по которой мы гадать любили, –
Влюбленных вечный ритуал! –
Он каждый лепесток вернул назад умело,
А ведь в былые дни я б за такое дело
Мальчишке уши оборвал.

Потом он сжег дотла весь наш архив любовный:
Записки, и стихи, и прочий хлам альбомный –
На все смотрели мы без слез.
И я не побледнел от горя и утраты,
Когда небрежно он швырнул в огонь проклятый
Прядь золотых твоих волос.

Он вытер со стены, чтоб счеты кончить сразу,
«Поль любит Виржини»* – классическую фразу,
Столь актуальную вчера.
Что ж, Виржини, Ортанс, а может, Каролину...
Я часто забывал, как звали героиню,
Лишь только кончится игра.

«Пора уже уметь любовь не путать с флиртом,
Недолговечных роз – с вечнозеленым миртом, –

* Речь идет по персонажах сентиментального романа Бернар-
дэна де Сен-Пьера (1737–1814) «Поль и Виргиния», чьи имена
стали во Франции нарицательными для изображения счастливой
влюбленной пары.

Он подытожил свой визит. –
А тем, кто расписал красивыми словами
Тот вздор и пустяки, что были между вами,
Закрыт навеки мой кредит!»

Родная, не прими все это к сердцу близко!
Причины, по каким я ностальгией взыскан,
Тебе скорей всего чужды.
И я без долгих слов похерю эту драму,
Пока, чтоб подновить слегка мою программу,
Не будет в песнях мне нужды.

ФЕРНАНДА

Блюдя безбрачия устав,
Читаю жизнь с листа я,
И эта песенка простая
Всегда у меня на устах:

«Лишь вспомню о Фернанде,
Аманде и Ванде,
Моник и Доминик –
Встает, как штык!
Лишь вспомню Франсуазу –
Встает, хотя не сразу,
Но вспомню Фелиси –
Висит, как ни тряси.
Нельзя учить его,
Когда и на кого!»

И вслед за мной все те, кому
Не спится в ночь глухую,
Тому ж подвержены греху и
Горданыт в кромешную тьму:

«Лишь вспомню о Фернанде...»

Седой смотритель маяка
Под вой ветров и вьюги,
Чтоб скрасить долгие досуги,
Мурлычет, гнусава слегка:

«Лишь вспомню о Фернанде...»

В унылой келье свой псалом
Пропев перед Распятьем,
Семинарист вздохнет раз пять и
Взревет одичалым ослом:

«Лишь вспомню о Фернанде...»

На Плас д'Этуаль в одну из дат
Придя в костюме строгом,
Услышал я, до слез растроган,
Как пел Неизвестный Солдат

«Лишь вспомню о Фернанде...»

Хочу закончить я сюжет
Призывом небанальным,
Чтоб гимном стал национальным
Трагический этот куплет:

«Лишь вспомню о Фернанде,
Аманде и Ванде,
Моник и Доминик –
Встает, как штык!
Лишь вспомню Франсуазу –
Встает, хотя не сразу,
Но вспомню Фелиси –
Висит, как ни тряси.
Нельзя учить его,
Когда и на кого!»

СТАНСЫ ДОМУШНИКУ

Первый в гильдии мастер по краже со взломом,
Ты, что с низкой корыстью в тяжелой борьбе
Небогатым моим не побрезговал домом, –
Я хвалебную песнь посвящаю тебе!

И не только за то, что закрыл за собою
Ты тобой же умело открытую дверь,
Чтобы мелкой шпане не докончить разбоя.
Что ж, воспитанный вор – это редкость теперь.

И не только за то (хоть я, право, жалею),
Что не взял ты большой и бездарный портрет,
Поднесенный друзьями мне в день юбилея –
Ты б мог сделать карьеру как искусствовед!

А за то, что чужому сочувствуя дару
И к коллеге-артисту не ведая зла,
Ты не тронул мою работягу-гитару –
Солидарность святая людей ремесла!

Ведь когда бы мне в песнях не выпало фарту,
Я б мог тоже пойти по дорожке кривой
И – кто знает? – свободу поставив на карту,
Выходил бы с тобою на промысел твой.

Так что будем считать, будто не было взлома.
В благодарность за умную чуткость твою
Как подарок прими все, что взял ты из дома –
Я в хорошие руки добро отдаю.

Но для скорби своей выраженье найду ли,
Если спустишь барыгам мой дар за гроши?
Хорошенько смотри, чтоб тебя не надули,
Помни: хуже последних воров торгоши.

И признаюсь, не менее будет печально,
Если, ложно поняв комплименты мои,
Ты б еще раз ко мне заявился случайно.
Рецидив – это дурно. Спроси у судьи...

И на этом простимся, собрат даровитый.
Пусть Меркурий тебя сохранит от тюрьмы!
Да и я не в накладе – мы полностью квиты
Этой песней. Считай, что соавторы мы.

И постскрипtum. С твоим-то призванием к краже
(Коль уж так ты охоч до чужого добра)
Лучше в бизнес легальный пуститься, чтоб даже
Завелись меж клиентов твоих мусора.

БЛАЖЕННЫ ДУРАКИ В РОДНЫХ СВОИХ МЕСТАХ

Нам всем ласкают глаз уютные селенья,
Местечки, городки – сады их зелены,
Их башни, замки, рвы внушают умиление –
Один в них есть изъян: они населены.
Они населены людьми, кому окрестный
Бескрайний белый свет – один большой пустыак.
Надуты спесью так, что впору только треснуть,
Блаженны дураки в родных своих местах.

Достойные сыны возлюбленной отчизны,
Привязаны навек к своим колоколам,
Вас гордо проведут с оттенком укоризны
И в церковь, и в музей взглянуть на местный хлам.
И будь их отчий дом в Париже, в Риме, в Сете,
В какой-нибудь дыре у черта на рогах –
В Монкюке, например, – довольны им как дети...
Блаженны дураки в родных своих местах.

Песок, куда спешат их страусы в испуге
Зарыться головой, – нежнее всех песков,
И дышится у них вольготно, без натуги:
Божественный эфир – вот воздух там каков.
Они и за дерьмо своих собак бродячих
Вам глотку перервут. И вечно на устах
Все та же похвальба. Погрязшие в удачах,
Блаженны дураки в родных своих местах.

Их отчие края – не то что все иные.
Им жаль от всей души тех пасынков судьбы,

Тех бедных недотеп, что, впрочем, без вины их
Во всех других краях плодятся, как грибы.
А коль гудит набат над их хваленым раем,
Они, на чужаков с оружием дружно встав,
Решают сгоряча, что лечь костями пора им, –
Блаженны дураки в родных своих местах.

Когда бы на земле перевелась порода
Докучных соловьев наследственных осин,
Была бы наша жизнь прекрасней год от года
И местный колорит – не столь невыносим.
О если бы в ответ на наше упование
Велел благой Господь, чтоб корень их зачах!
Ведь ставит под вопрос Его существованье
Обилье дураков в родных своих местах.

ПРИНЦЕССА И ЛАБУХ

Там, где теперь этот сквер и фонтан,
Раньше когда-то был скверный квартал:
Грязные улочки, свалки, лачуги.
А обитатели – все как один –
Этих отнюдь не античных руин
Слыли элитою здешней округи.

Аристократы голодных дворов,
Званные гости ночлежных пиров
С мутной сивухой и скудной краюхой,
Знать подзаборных отборных кровей...
Терся и лабух там – местный Орфей –
Вечно с гитарой и вечно под мухой.

В этом чаду социального зла
Юная фея в те годы цвела –
Нежный росток средь равнины безлесой.
Крошкой нашли ее возле ручья
В тонком белье дорогого шитья,
Ну и прозвали, конечно, Принцессой.

Словом, однажды (на то и весна)
Влезла к нему на колени она
И прошептала смущенно, но бойко,
С нежной улыбкой головку склоняя:
«Если ты хочешь, то можешь меня
Поцеловать, а потом и не только...»

«Слушай, Принцесса, – ей лабух в ответ, –
Рано в сатиры мне в тридцать-то лет!
Да и самой тебе только тринадцать.
Так что слегка поумерь свою страсть –
За малолетку на нары попасть
Нет никакой мне охоты, признаться.»

Ты еще только в проекте была,
А мое сердце к рукам прибрала
И повзрослей, и покраше милашка...»
Тут убежала Принцесса и от
Горькой обиды всю ночь напролет,
Верно, проплакала где-то, бедняжка.

Так не свершилась преступная связь.
Лабух наутро, ни с кем не простясь,
В фуре старьевщика съехал куда-то,

И оказавшись спустя двадцать лет
В этих местах, где минувшего нет,
Чувствует вдруг что-то вроде утраты...

СМЕРТЬ ЗА ИДЕЮ

Пасть за идею? Что ж, идея неплохая!
Я сам едва не пал, под натиском людей,
Которые крича и флагами махая,
Шли плотною толпой на смерть ради идей.
Пристроившись в хвосте, как будто на аркане
Мы с музою моей за ними поплелись,
Рискнув на свой манер подправить их девиз:
Умрем ради идей! Я – за! Двумя руками!
Умрем! Но стариками!

Пусть кажутся порой намеренья благими,
Не следует хватать идеи на лету,
А то, неровен час, отдашь концы во имя
Той, что уже назавтра будет не в ходу.
Приятно пасть в боях с идейными врагами,
Но горько в смертный час понять, что прогадал,
Что в спешке не за ту идею жизнь отдал...
Умрем ради идей! Я – за! Двумя руками!
Умрем! Но стариками!

Пророки и вожди на нашей с вами тризне
Твердят на все лады, что ради их идей
Не жалко, черт возьми, и миллиона жизней,
А сами не спешат расстаться со своей.

Карга, увы, точно без ваших понуканий.
Будь проклят хоровод безвременных кончин
Под возгласы «ура!», под скрежет гильотин...
Умрем ради идей! Я – за! Двумя руками!
Умрем! Но стариками!

ПАТРИОТЫ

Увечный ветеран не тем душевно ранен,
Что трудно поспешать ему за юбкой, черт возьми!
А тем, что не попасть ему опять на поле брани,
Где мог бы за отчизну он геройски лечь костьюми.

Ослепший ветеран безмерно озабочен
Не тем, что не видать ему ни лета, ни зимы,
А тем, что не ему трехцветным флагом тешить очи
И схемы прошлых битв мусолить взором, черт
возьми!

Оглохшему не то всечасно душу гложет,
Что в пении сирен не разберет, где «соль», где «ми»,
А то, что на плацу он услышать уже не сможет
Фанфар, военных труб и барабанов, черт возьми!

Немой совсем не тем до слез обеспокоен,
Что слова не сказать ему с культурными людьми,
А тем, что не подтянет он уже как истый воин
Ни гимна, ни армейских наших маршей, черт
возьми!

Безрукому не то застряло комом в глотке,
Что с блузками девиц уже не знать ему возни,

А то, что не с руки рукой притронуться к пилотке.
Когда идет мундир ему навстречу, черт возьми!

Безногому не то вседневно портит нервы,
Что больше на танцульках не скакать ему с
блядьми,

А то, что не ему теперь бежать в атаку первым
И пленных не пинать ногою в брюхо, черт возьми!

Не тем столь удручен лишенный гениталий,
Что с собственной женой разлад в желаниях возник,
А тем, что не ему, герою будущих баталлий,
Брюхатить вражьих жен, сестер и дочек, черт
возьми!

Погибшие в боях не тем вконец убиты,
Что умереть от страсти уж не смогут, черт возьми!
А тем, что не подняться им вовек из-под гранита
И снова за отчизну как один не лечь костями!

ТАКОЙ РОСКОШНЫЙ БЮСТ

Когда б я только знал, мадам, что Ваше обаянье
Скрывает тайные шипы, как роз цветущий куст,
Я б, вероятно, был скромней в любовных
притязаньях –

Зачем Вам дан столь злобный нрав и столь
роскошный бюст?

Зачем Вам дан столь злобный нрав и столь
роскошный бюст?

О, Боже! Такой роскошный бюст!..

Я б, вероятно, был скромней в любовных
притязаньях,
Я б до безумств не допустил ни рук своих, ни уст,
Я б их всегда держал от Вас на должном расстоянье
Зачем Вам дан столь злобный нрав и столь
роскошный бюст?

Вам, получившей с юных лет всех Граций
достоянье,
Не грех ли злоупотреблять тончайшим из искусств?
К чему испытывать на мне свое очарованье?
Зачем Вам дан столь злобный нрав и столь
роскошный бюст?

К чему испытывать на мне свое очарованье?
Да, я попался в Вашу сеть, но Ваш улов не густ.
Ведь я уже почти старик – что Вам мои страданья?
Зачем Вам дан столь злобный нрав и столь
роскошный бюст?

Ведь я уже почти старик – что Вам мои страданья?
Что Вам за радость от того, что я почти без чувств
Повержен, словно Карфаген, в прах
несуществованья?
Зачем Вам дан столь злобный нрав и столь
роскошный бюст?

Зачем Вам дан столь злобный нрав и столь
роскошный бюст?
О, Боже! Какой роскошный бюст!

СКЕПТИК

Как желчный Куртелин, что славой был обласкан,
Я в чаяньях людских изверился вполне
И, чтобы этот факт полней предать огласке,
Готов весь день ходить с плакатом на спине:
«Не верю ни на грош я в эти ваши сказки!»

Бог. Дьявол. Страшный суд. Злодеям – пламень
адский

На долгие века, а праведникам – рай.
Елей и просфора. Сочельники и пасхи.
Покаялся в грехах – спокойно помирай...
Не верю ни на грош я в эти ваши сказки!

Прогнозы карт Таро. Спириты в нервной тряске.
Гаданье на бобах и толкованье снов.
Магический кристалл. Решенья по подсказке
Астрологов, волхвов и прочих вещунов...
Не верю ни на грош я в эти ваши сказки!

Фемида, в судный час не снявшая повязки.
Улики налицо. Достойный приговор.
Допросы без битья, а при посредстве ласки.
Гражданские права. Не пойманный – не вор...
Не верю ни на грош я в эти ваши сказки!

Расстрел и эшафот как методы отстрастки
Насильников, убийц, садистов и громил.
Внезапно пережив момент душевной встряски,

Раскаяньем себя преступник истомил...
Не верю ни на грош я в эти ваши сказки!

Надгробный ритуал. Трагические маски.
«Он был прекрасный сын, заботливый отец,
Достоин прожил жизнь, шел первым в нашей
связке,
Высокого ума и чести образец!..»
Не верю ни на грош я в эти ваши сказки!

Витии. Мастера словесной свистопляски.
Властители умов. Пророки и вожди.
И вздор любых мастей, оттенков и окраски,
И, «век золотой грядет – молись, терпи и жди!»
Не верю ни на грош я в эти ваши сказки!

Но сколь блажены те, что верят без опаски!..

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Дурная слава (пер. А. Прокопьева, М. Фрейдкина)	10
Землекоп (пер. В. Зайцева)	12
Стоит только мост перейти (пер. В. Зайцева)	13
Утка Жанны (пер. А. Рубинина, М. Фрейдкина)	14
Исповедь раскаявшегося сутенера (пер. В. Зайцева) ..	16
Песня для овернца (пер. М. Фрейдкина)	19
Маринетта (пер. М. Фрейдкина)	21
Пупок жены сотрудника полиции (пер. М. Фрейд- кина)	22
Вино (пер. В. Зайцева)	24
Сквернослов (пер. С. Костюхина, М. Фрейдкина)	26
Рогоносец (пер. В. Зайцева)	30
Она была так хороша (пер. В. Зайцева)	31
Проблядушечка (пер. С. Костюхина, М. Фрейдкина) .	33
Баллада о кладбищах (пер. В. Зайцева)	35
Трубы славы (пер. В. Зайцева)	37
Ромашка (пер. А. Аванесова)	40
Война 1914–1918 годов (пер. М. Фрейдкина)	42
Любовь былых времен (пер. А. Аванесова)	43
Убийство (пер. В. Зайцева)	45
Все за одного (пер. А. Прокопьева, М. Фрейдкина)	47
22 сентября (пер. А. Прокопьева, М. Фрейдкина)	49
Завещание с просьбой быть похороненным на пля- же в Сете (пер. М. Фрейдкина)	50
Телесное наказание (пер. В. Зайцева)	54
О множествах (пер. В. Зайцева)	56
Бюллетень о состоянии здоровья (пер. В. Зайцева)	58
Недобросовестная конкуренция (пер. В. Зайцева)	60

Негодный мальчуган (пер. М. Фрейдкина).....	62
Фернанда (пер. Р. Боброва, М. Фрейдкина).....	64
Стансы домушнику (пер. М. Фрейдкина).....	66
Блаженны дураки в родных своих местах (пер. В. Зайцева).....	68
Принцесса и лабух (пер. М. Фрейдкина).....	69
Смерть за идею (пер. А. Аванесова).....	71
Патриоты (пер. В. Зайцева).....	73
Такой роскошный бюст (пер. М. Фрейдкина).....	74
Скептик (пер. В. Зайцева).....	76
Содержание.....	78

ЛР № 062231 от 05.02.1993

Сдано в набор 09.09.1996. Подписано в печать
10.10.1996. Формат 70x100\32. Тираж 3000 экз.
Заказ 596

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Московской типографии № 2 РАН

